

ДОМАШНІЯ МѢРЫ ВОСПИТАНІЯ СОЛДАТА.

Воспитаніе солдата имѣетъ цѣлью поставить въ ряды арміи людей основательнымъ образомъ подготовленныхъ къ тому, чтобы побѣждать непріятеля. Какими же качествами, физическими и нравственными, долженъ обладать солдатъ, чтобы выполнить свое назначеніе? Этотъ вопросъ во всё времена разрѣшался довольно однообразно военными авторитетами. Морицъ Саксонскій, напримѣръ, говорилъ, что „тайна побѣдъ заключается въ ногахъ солдатъ“. Онъ хотѣлъ сказать, что на войнѣ успѣхъ бываетъ на сторонѣ болѣе быстрого и болѣе энергическаго противника, т. е. сильнѣйшаго нравственно. Наполеонъ I положительно высказалъ, что „во всякомъ боевомъ дѣлѣ три четверти успѣха зависятъ отъ нравственной стороны и только одна четверть отъ матеріальной“ (*) т. е. побѣда достается сильнѣйшему нравственно. Въ наше время Ле-Конть, авторъ обзора итальянской кампаніи 1859 года, такъ опредѣляетъ значеніе солдата и требованія отъ него: „солдатъ долженъ занимать средину между человѣкомъ и вещью“. Или, вѣрнѣе, по словамъ г. Леера (**): „военный долженъ быть способенъ, въ бою, мгновенно превращаться изъ человѣка въ вещь и изъ вещи въ человѣка“. Способностью къ такимъ превращеніямъ можетъ обладать только человѣкъ сильный нравственно. Г. Драгомировъ, сказавши (австро-прусская война 1866 года „Воен. Сборн.“, № 8, 1867 года), что австрійцевъ побѣдили въ 1866 году не игольчатые ружья прусаковъ, а тѣ люди, у которыхъ ружье было въ рукахъ; упомянувъ, что нужно хлопотать не столько о хорошемъ вооруженіи, сколько о томъ, „чтобы человѣкъ былъ, по возможности, совершеннѣе“, даетъ еще большее значеніе нравственной сторонѣ въ ряду качествъ, требуемыхъ отъ хорошаго солдата. Д'Аземаръ, авторъ брошюры: „Правда о французкой арміи“, высказываетъ ту же мысль, говоря, что военное воспитаніе имѣетъ цѣлью образовать изъ солдатъ, прежде всего, „людей сердца и добра“ (***)).

(*) „Дѣлскія тактики“ полковника Драгомирова, стр. 42.

(**) „Военный Сборникъ“, № 2, 1867 года, статья „Тактика и уставы“.

(***) „Военный Сборникъ“, № 8, 1867 года.

Слѣдовательно, во всё времяна въ ряду качествъ, требуемыхъ отъ хорошаго солдата, на первомъ планѣ стояли качества нравственныя, почему и въ дѣлѣ воспитанія его нравственное развитіе должно играть первую роль. Эта роль нравственнаго развитія не отнимаетъ значенія развитія физическаго, достигаемаго правильнымъ обученіемъ солдатъ; напротивъ, она предполагаетъ его, какъ нѣчто безусловно-необходимое, какъ азбуку военнаго дѣла. Взглянемъ на окружающую насъ дѣйствительность, чтобы дать себѣ отчетъ, на сколько и какъ, въ дѣлѣ воспитанія солдата, она осуществляетъ послѣдній выводъ. Взглянемъ на мѣры, принимаемыя нами для того, чтобы сдѣлать нашего солдата „возможно-совершеннымъ человѣкомъ“, человѣкомъ „сердца и добра“. Всѣ эти мѣры мы подраздѣляемъ на правительственныя и домашнія. Къ первымъ мы отнесемъ реформы новѣйшаго времени: отмѣну тѣлеснаго наказанія, введеніе новаго положенія о дисциплинарныхъ взысканіяхъ, новую судебную реформу, новѣйшія измѣненія въ уставѣ о рекрутской повинности и т. д. Къ мѣрамъ домашнимъ мы отнесемъ: грамотность, законность во всѣхъ отношеніяхъ старшаго къ младшему (какъ противоположность прежней патріархальности) и разумную справедливость въ домашнемъ судѣ и расправѣ. Послѣднія мѣры мы назвали домашними потому, что онѣ получаютъ свой характеръ отъ самыхъ близкихъ, такъ сказать, домашнихъ начальниковъ, и по своей, кажущейся, мелочности, въ большей части случаевъ, ускользаютъ отъ контроля правительственнаго.

О мѣрахъ правительственныхъ мы говорить не станемъ, потому что имѣемъ въ виду мѣры исключительно домашнія, которыя мы сами наблюдали и испытывали: мы полагаемъ, что именно въ мелочахъ домашнихъ мѣръ и можно видѣть на сколько и какъ осуществляются предначертанія свыше. Предварительно сдѣлаемъ оговорку: служба въ кавалеріи, мы могли наблюдать, преимущественно, части кавалерійскія; думаемъ однако, что многія изъ нашихъ наблюденій могутъ имѣть и общее для всѣхъ войскъ значеніе, такъ какъ составъ офицеровъ и солдатъ во всѣхъ частяхъ нашей арміи пополняется при совершенно одинаковыхъ условіяхъ. Если же въ частяхъ различныхъ родовъ оружія и встрѣчаются различія во взглядѣ на значеніе домашнихъ мѣръ воспитанія солдата, то это обусловливается, единственно, различіемъ служебныхъ требованій

въ тѣхъ частяхъ, а не разнообразныхъ, по духу, личнымъ ихъ составомъ. Поэтому необходимо ознакомить читателя не-кавалериста съ служебной обстановкой солдата-кавалериста, на сколько она отличается отъ обстановки солдата въ частяхъ другихъ родовъ войскъ. Кавалерійская часть, которую мы будемъ имѣть въ виду, есть эскадронъ.

Кавалерійскій солдатъ, въ одно и то же время, учится самъ и учить свою лошадь; онъ смотритъ за своею амуницией, за лошадью и ея уборомъ. День его распредѣленъ такъ: утромъ онъ на уборкѣ лошади, т. е. онъ ее кормитъ, чиститъ и поитъ; вечеромъ тотъ же уходъ (*). Въ промежуткахъ времени между утренней и вечерней уборкой лошади солдатъ занятъ: утромъ (мы говоримъ о зимнихъ занятіяхъ) манежною ѣздой, послѣ обѣда ехтованьемъ, рубкою, а въ полкахъ драгунскихъ и пѣшимъ строемъ. На другой день назначаются утромъ: занятіе въ школѣ грамотности, послѣ обѣда: волтижировка, гимнастика, а въ полкахъ драгунскихъ, по времени, стрѣльба въ цѣль, глазомѣръ и т. п. Такимъ образомъ наполняется день кавалериста. Очевидно, что кавалерійскій солдатъ имѣетъ очень мало времени для такихъ занятій, которыя прямо способствовали бы развитію умственныхъ его способностей; по крайней мѣрѣ онъ имѣетъ меньше времени, чѣмъ солдаты другихъ родовъ войскъ.

Послѣ такой предварительной замѣтки, мы можемъ говорить о нашихъ домашнихъ мѣрахъ воспитанія солдата, начиная съ важнѣйшей изъ нихъ, какъ полагають многіе, съ грамотности. Процентъ грамотныхъ въ нашей арміи, едва ли не повсемѣстно, выражаетъ не болѣе какъ число учащихся, а не число умѣющихъ читать и понимать прочитанное. Обыкновенно у насъ обучаютъ чтенію и письму всѣхъ наличныхъ въ эскадронахъ солдатъ, подраздѣляя ихъ на четыре разряда: 1, 2, 3 и особый разрядъ, составленный изъ опредѣленнаго приказомъ по полку числа молодыхъ солдатъ, для которыхъ обученіе призвано обязательнымъ. Остальные разряды обучаются заурядъ. 1-й разрядъ, около $\frac{1}{10}$ всѣхъ грамотныхъ, состоитъ изъ людей умѣющихъ читать, знающихъ четыре правила арифметики и кое-какъ пишущихъ. 2-й разрядъ, около $\frac{1}{3}$

(*) Замѣтимъ, что, зимою, въ расположеніи эскадроновъ, за разными командировками: въ сборный караулъ при штабѣ полка, въ полковыя пивальни и мастерскія, по хозяйственнымъ нуждамъ эскадрона и т. д.,hallico остается, изъ штатнаго числа людей, не болѣе $\frac{3}{4}$ онаго. Оттого большая половина солдатъ смотритъ за двумя лошадьми.

всего числа грамотныхъ, читаетъ кое-какъ, но понимаетъ и передаетъ читанное плохо, пишетъ по линейкѣ или мѣломъ на деревянныхъ доскахъ тоже плохо; въ арметинѣ ученики рѣдкіе ушли дальше сложенія простыхъ чиселъ. 3-й разрядъ, масса остальныхъ, состоящій по преимуществу изъ старыхъ солдатъ, не идетъ дальше чтенія по складамъ, несмотря на то, что многіе изъ нихъ уже чуть не десять лѣтъ возятся съ букваремъ. Такимъ образомъ, въ эскадронѣ, умѣющими кое-какъ читать можно считать не болѣе $\frac{1}{4}$ всего числа учащихся, хотя всѣ считаются грамотными.

Рождаются вопросы: можетъ ли такого рода грамотность имѣть большое вліяніе на умственное развитіе нашего солдата? Дѣйствительно ли процентное содержаніе грамотныхъ въ войсковыхъ частяхъ есть, какъ полагаютъ многіе, мѣрило нравственнаго уровня ихъ? Какъ ни прискорбно, но на послѣдніе вопросы мы должны отвѣтить отрицательно.

На первый вопросъ мы отвѣчаемъ отрицательно потому, что до сихъ поръ мы не имѣли ни времени, ни учителей (*) для того, чтобы сдѣлать нашу грамотность не одной возней съ букваремъ, но средствомъ развитія солдата; потому что, и при благопріятныхъ условіяхъ, мы болѣе хлопотали о количествѣ читающихъ, чѣмъ о количествѣ понимающихъ прочитанное.

На второй вопросъ мы тоже отвѣчаемъ отрицательно, несмотря на то, что намъ слышатся возраженія въ родѣ слѣдующихъ: развѣ вы отвергнете, что со введеніемъ грамотности въ войскахъ нравственный уровень ихъ неизмѣримо возвысился? развѣ вы отвергнете, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ процентъ грамотныхъ больше, навѣрное меньше подсудимыхъ, штрафованныхъ? На это скажемъ, что со введеніемъ грамотности въ войскахъ совпадаютъ отмѣна тѣлеснаго наказанія и другія реформы, возвысившія нравственный уровень войскъ, что, пожалуй, самый процессъ обученія грамотѣ приучилъ начальника и подчиненнаго къ болѣе мягкимъ отношеніямъ, чѣмъ прежнія; но все это ужъ слишкомъ косвенно относится къ грамотности и къ пользѣ ея. Слѣдовательно, мы смѣло можемъ повторить еще разъ, что до сихъ поръ грамотность принесла намъ мало пользы,

(*) Не знаемъ, на сколько послѣдній недостатокъ чувствуется въ частяхъ пехоты, въ ротахъ; но въ кавалеріи, раздробленной, на зимнихъ стоянкахъ, болѣею частью на полуэскадроны и даже вводы, этотъ недостатокъ такъ великъ, что рѣдкій эскадронъ имѣетъ болѣе одного офицера завѣдывающаго грамотностію.

и въ будущемъ принесеть ся не больше, если мы попрежнему станемъ гоняться за большимъ процентомъ грамотности въ войскахъ.

Чтобы дѣло пошло лучше, слѣдуетъ немедленно освободить отъ занятій грамотностію всѣхъ тѣхъ солдатъ, которые, при обязательныхъ занятіяхъ грамотностію, въ теченіе трехъ лѣтъ службы не научились порядочно читать и понимать читанное, коль скоро они сами не заявятъ желанія продолжать учиться. Оставшихся нужно раздѣлить на два разряда, 1-й и 2-й. Въ первый разрядъ зачислить всѣхъ умѣющихъ отлично читать, хорошо писать, знающихъ четыре правила ариметики и кромѣ того обнаруживающихъ такія способности, которыя дали бы имъ возможность продолжать занятія подъ непосредственнымъ руководствомъ офицеровъ. Программою дальнѣйшихъ занятій ихъ въ школѣ могутъ быть: изученіе ариметики, основныхъ правилъ русскаго языка, начальныя понятія о географіи вообще и Россіи въ особенности; кромѣ того чтеніе и объясненіе полезныхъ солдату статей военнаго содержанія.

Второй разрядъ долженъ продолжать свои занятія подъ руководствомъ учителя, избраннаго офицеромъ, завѣдывающимъ грамотностію, изъ числа лицъ попавшихъ въ первый разрядъ.

Затѣмъ на будущее время считать посѣщеніе школы обязательнымъ для каждаго молодого солдата, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ его службы. Это будетъ обязательная школа молодыхъ солдатъ. Учителями въ ней могутъ быть солдаты изъ 1-го или 2-го разряда, по назначенію офицера. По истеченіи трехъ лѣтъ, молодые солдаты или зачисляются въ одинъ изъ разрядовъ, на упомянутыхъ основаніяхъ, или совсѣмъ освобождаются отъ занятій грамотностію, какъ неспособные. Такая мѣра, имѣя за собою всѣ выгоды мѣры дѣйствующей на самолюбіе молодого солдата, уменьшить принужденіе учащагося и, облегчивъ трудъ учителя, поставить его въ возможность, при занятіяхъ съ 1-мъ разрядомъ, придать симъ послѣднимъ характеръ воспитательный въ томъ духѣ, какой мы опредѣлили выше. Тогда десятокъ-другой солдатъ, хорошо подготовленныхъ въ эскадронѣ, будетъ болѣе способствовать развитію всей массы, чѣмъ если бы каждый солдатъ сталъ читать такъ, какъ читаютъ теперь въ нашемъ первомъ разрядѣ. Прибавимъ, что, по нашему мнѣнію, дѣло грамотности должно быть чисто домашнимъ, а не смотровымъ, офиціальнымъ, пока въ рядахъ нашей арміи

есть еще старые солдаты, отличные на службѣ, которымъ однако грамотность рѣшительно не далась. На смотрахъ имъ приходится играть весьма незавидную роль при сопоставленіи съ солдатами молодыми, которые, начавши учиться въ двадцать лѣтъ, въ одинъ-два года, въ дѣлѣ грамотности, успѣли обогнуть своихъ дядей и учителей на службѣ.

Разсмотримъ теперь значеніе другихъ домашнихъ мѣръ воспитанія солдата, мѣръ, вытекающихъ изъ повседневныхъ отношеній солдата къ его ближайшимъ начальникамъ. Мы разумѣемъ обученіе солдата, опредѣленіе взысканій съ него за проступки и т. п. Мы, слава Богу, живемъ въ такое время, когда о палкахъ и фухтеляхъ, какъ о средствѣ вразумить или научить чему-либо солдата, забыли и думать. Но это не значитъ, что въ дѣлѣ обученія солдатъ мы отрѣшились отъ всѣхъ грѣховъ стараго времени. Нѣтъ, мы и до сихъ поръ еще не вполне сознали, что, обучая солдата въ манежѣ, на плацу или на скамьѣ школы, мы учимъ не ребятъ, а своихъ сослуживцевъ (что мы начинаемъ сознавать это, видно отчасти изъ того, что самое привѣтствіе „здорово ребята“ встрѣчается рѣже. Теперь говорятъ: „здорово солдаты, здорово уланы, драгуны“ и т. п.). Мы и до сихъ поръ, при томъ же обученіи, не совсѣмъ отрѣшились отъ системы запугиванія, отъ желанія становиться предъ подчиненнымъ на ходули — на ходули отцевъ предъ дѣтьми. Сколько жалкихъ сценъ разыгрывается подчиненными и начальниками, воспитанными въ старомъ духѣ, можно видѣть въ ожиданіи смотра, когда солдатъ начинаетъ суетиться и волноваться, когда и самъ начальникъ мѣняется въ лицѣ и дрожить, словно совершилъ что-либо преступное. Смотри, начавшійся при такихъ условіяхъ, выходитъ не рѣдко хуже домашнихъ ученій. Какая тому причина? Почему ближайшій начальникъ потерялся предъ старшимъ? Потому что онъ самъ привыкъ разчитывать на такіе эффекты при своемъ появленіи среди своихъ подчиненныхъ. Потому что онъ самъ любитъ выставить напоказъ свою личную (прежде, для мягкости, говорили: „отеческую“) власть и силу, оставляя въ сторонѣ вліяніе, которое онъ можетъ и долженъ имѣть, какъ представитель требованій закона. Все это вредно дѣйствуетъ на воспитаніе солдата, заглушаетъ въ немъ чувства человѣческія, мѣшаетъ развитію въ немъ той самоувѣренности, безъ которой солдатъ будетъ, по духу, вѣчнымъ рекрутомъ,

какъ на учебномъ плацу, такъ и въ виду непріятеля. Но, кажется, на все это совсѣмъ иначе смотрятъ два извѣстныхъ французскихъ генерала, Трошию и д'Аземаръ: они видятъ въ подобныхъ явленіяхъ вниманіе къ начальнику, преобладаніе духа іерархіи.

Мы думаемъ, что такое поведеніе начальниковъ, какое желаютъ видѣть французскіе генералы, приучаетъ солдата къ суетливости тамъ, гдѣ требуется полное спокойствіе, лишаетъ его самоувѣренности, мѣшаетъ установленію, въ отношеніяхъ ближайшихъ начальниковъ и ихъ подчиненныхъ, того отпечатка уваженія и довѣрія, который единственно и нуженъ для успѣха въ мирныхъ занятіяхъ, и для того, чтобы въ трудныя минуты подчиненный находилъ источникъ нравственной силы въ начальникѣ, котораго онъ коротко узналъ и которому привыкъ довѣрять.

Подобно тому, какъ желаніе начальника импонировать солдату, при обученіи его, своею властью и силою, имѣетъ вредное вліяніе на его нравственную сторону, это желаніе дѣйствуетъ и въ примѣненіи къ нашему домашнему суду и расправѣ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что наше положеніе о дисциплинарныхъ взысканіяхъ имѣетъ одну цѣль: исправленіе виновнаго посредствомъ такихъ мѣръ взысканія, которыя, по мѣткому выраженію г. Бараніуса („Военный Сборникъ“, № 7, 1867 года), „заставляютъ виновнаго вдуматься въ свой поступокъ“. Но вѣрно и то, что мѣръ исправительной по сущности можно придать характеръ карательный однимъ тономъ ея опредѣленія, доказывающимъ, что, при опредѣленіи взысканій, начальникъ играетъ роль прежде всего исполнителя приговора, а уже потомъ судьи, а не наоборотъ. Вредное вліяніе этой роли иногда увеличивается еще тѣмъ, что, при опредѣленіи значенія извѣстнаго проступка и взысканія за оный, мы любимъ руководствоваться не однимъ тѣмъ сознаніемъ, которое вытекаетъ изъ вышеопредѣленной цѣли взысканій, но и настроеніемъ своего духа, вдохновеніемъ. „Поставить на три днѣвки безъ очереди“, говорятъ въ первомъ случаѣ солдату, встрѣченному на улицѣ съ растегнутымъ крючкомъ воротника. „Ступай и не попадайся больше“, говорятъ въ другомъ случаѣ челоуѣку, уличенному въ плутовствѣ и т. п.

Конечно, ни одно положеніе не можетъ установить точной

нормы взысканій за каждый проступокъ въ отдѣльности. Но мы и не доказываемъ необходимости ея. Мы желаемъ только наглядно показать, на сколько правильное и разумное примѣненіе положенія о взысканіяхъ къ дѣлу можетъ зависѣть отъ личности, отъ степени развитія ближайшихъ начальниковъ, и какъ необходимо симъ послѣднимъ, въ такихъ случаяхъ, строго взвѣшивать каждый свой шагъ, могущій имѣть огромное вліяніе на неустановившіяся еще прочно нравственныя воззрѣнія нашего солдата. Всѣ воззрѣнія солдата формулированы въ правилѣ: „любви Бога и Государя“. Это правило, какъ залогъ будущаго нравственнаго развитія солдата, слилось съ его натурою и вытекаетъ изъ нея; но многозначительный внутренній смыслъ правила понимается большинствомъ, такъ сказать, инстинктивно. При всемъ томъ, большее число требованій, относящихся къ солдату, онъ склоненъ считать произволомъ начальника, что опять легко объясняется выработаннымъ миновавшими временами взглядомъ нашего простолюдина вообще.

Принявъ въ соображеніе всѣ предъидущіе выводы, мы поймемъ, почему въ дѣлѣ воспитанія солдата намъ, поставленнымъ въ близкія къ нему отношенія, слѣдуетъ хлопотать не о внутреннѣмъ ему своимъ присутствіемъ робости и смущенія, а о томъ, чтобы мы своимъ присутствіемъ сообщали ему спокойствіе и довѣріе; слѣдуетъ задабривать не чаркой водки, не ласковымъ возгласомъ „ребята“, но разумною справедливостію; слѣдуетъ учить солдата грамотѣ не для того, чтобы процентъ грамотныхъ былъ больше, не для того, чтобы солдатъ могъ быть современемъ школьнымъ учителемъ и т. п., но для того, чтобы, отыскавъ способнѣйшихъ, научить ихъ понимать насъ (безъ этого пониманія офицеры всегда будутъ головою, плохо приросшею къ туловищу, слѣдовательно и плохо управляющею движеніями его), довѣрять намъ и сдѣлать ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, проводниками правильныхъ воззрѣній на права и обязанности солдата въ остальную массу нашихъ младшихъ сослуживцевъ.

В. С.

Новая Прага.

30-го ноября 1867 года.